

Сергей Лукьяненко, Юлий Буркин

Остров Русь



*Часть сборника
Остров Русь (сборник)*



Остров Русь

Сергей Лукьяненко

Остров Русь

«АСТ»

1997

Лукьяненко С. В.

Остров Русь / С. В. Лукьяненко — «АСТ», 1997 — (Остров Русь)

«Иван-дурак лежал на загнетке и рассеянно перебирал руками теплые угли. В избе было жарко, родители Ивана не экономили на дровах. Березовые поленья весело потрескивали в печи. Дверь со скрипом отворилась, и Иван-дурак встрепенулся. Но тут же, потеряв к вошедшему всякий интерес, снова опустил голову. Вошла не мать — статная хлебосольная баба, всегда готовая порадовать сына сахарным пряником. Вошел отец — дородный мужчина лет пятидесяти, без малого косая сажень в плечах, бывший киевский богатырь, а ныне — обедневший помещик Муромского уезда.— Исполать тебе, батенько, — приветствовал отца Иван, продолжая ковыряться в углях. Отец не ответил. Степенно усевшись на корточки перед сыном, оглядел его и сказал удивленно:— Сколько лет-то тебе, сыночек?..»

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	12
Глава первая,	12
Глава вторая,	18
Глава третья,	22
Глава четвертая,	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Лукьяненко, Юлий Буркин

Остров Русь

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Ю. Буркин:

– Другу и любимой – Юлии Студенниковой.

С. Лукьяненко:

– Присоединяюсь...

Ю. Буркин:

– Не понял?!

Народ свои песни шлифует в продолжение столетий и доводит до высшей степени искусства.

И. Сталин

Ты уймись, уймись, тоска,

У меня в груди,

Это только присказка,

Сказка – впереди...

В. Высоцкий

Предисловие

Три дара отца Ивану-дураку. Битва с поленьями. Кража

Иван-дурак лежал на загнетке и рассеянно перебирал руками теплые угли. В избе было жарко, родители Ивана не экономили на дровах. Березовые поленья весело потрескивали в печи.

Дверь со скрипом отворилась, и Иван-дурак встrepенулcя. Но тут же, потеряв к вошедшему всякий интерес, снова опустил голову. Вошла не мать – статная хлебосольная баба, всегда готовая порадовать сына сахарным пряником. Вошел отец – дородный мужчина лет пятидесяти, без малого коcая cажень в плечах, бывший киевский богатырь, а ныне – обедневший помещик Муромского уезда.

– Исполать тебе, батько, – приветствовал отца Иван, продолжая ковыряться в углях.

Отец не ответил. Степенно усевшись на корточки перед сыном, оглядел его и сказал удивленно:

– Сколько лет-то тебе, сынок?

Не заподозрив подвоха, Иван-дурак стал перебирать черные, перепачканные золой пальцы.

– Раз – тутa я ходить начал, да два – заговорил, да три – бык соседский меня боднул... десяток – тутa я во первой раз печку с места сдвинул... дюжина – девки дворовые меня приглядели... Оcьмнадцать, батько!

– Восемнадцать, – поморщился отец. – От цифры «восемь» сие число происходит... Ну да ладно, как ни кличь, а большой ты стал у меня.

Иван-дурак часто закивал, усаживаясь возле печки на корточки. Отец редко проявлял такое внимание к непуτευому сыну, и дурак был польщен.

А отставной богатырь погладил Ивана-дурака по кудрям и проникновенно произнес:

– Накину я службу на тебя, Иванушка. Заматерел ты, хватит тебе печь пролеживать да пол просиживать. Поедешь к славному князю Владимиру, Русь от врагов беречь.

– Батько! – пролепетал Иван. – Да ведь...

– Силушкой Бог тебя не обидел, – продолжал тем временем отец, – весь в меня, не отпирайся, недаром так же – Иваном – зовут! Чего головой крутишь?! Силы нет? А кто вчера печь по избе двигал, местечко, где не дует, выискивал?! А потом еще мамке врал: мол, тут она всегда и стояла!.. Эх!..

Уличенный Иван-дурак опустил голову и жалобно произнес:

– Глупый я, батько... Ни счесть толком, ни буквы растолковать... Ой, не надо! Некультурно поступаете, папа!

Иван-отец тем временем извлек из-за печи две потрепанные книжки. Одну большую с красными петухами на обложке и надписью: «Аз, Буки, Веди». Другую поменьше, с заголовком: «Как вести себя богатырю русскому, или Моральные присказки, стихами составленные, из былин надерганные».

– Думал, не заметил я? – укоризненно спросил бывший богатырь. – У отца родного книжки упер и врет еще! Что в «Моральных присказках» о вранье сказано?

– Не должен богатырь врать родному батьке, брату-богатырю да князю Владимиру... – хмуро процитировал дурак.

– А я те кто? Коль не забыл?

– Батько...

– Еще?!

– Брат-богатырь.

– Еще?!

Иван поднял голову, поморгал и тихо спросил:

– Неужели... князь Владимир?

– Дурак! Я тебе еще батько-богатырь! Неужто запамятовал, как моя хворостина порет?

– Не запамятовал, батько, – нервно потирая ладони о суконные штаны, признался Иван-дурак.

– То-то, – поднял палец отец. Затем откашлялся, почесал затылок и сказал: – Сын мой! Сегодня поедешь ко двору князя Владимира. Ни с кем не водись, окромя братьев-богатырей да Владимира Красно Солнышко. Приключений не ищи, дурака они сами найдут. Научил я тебя булавой махать, так послужи теперь земле Русской. С собою могу дать тебе лишь три вещи: пятнадцать рублей серебром, коня знатного да совет богатырский. Совет такой: с размаху булава сильнее лупит.

Иван-дурак покивал с благодарностью.

– Напоследок прибавлю, – продолжал Иван-отец, – при князе Владимире найди Микулу Селяниновича. Когда-то мы с ним соседние пашни пахали. Только он пошел в Киев, на службу государеву, а я – в имение удалился...

На минуту отставной богатырь задумался, критическим взглядом окидывая избу... Потом вздохнул и закончил:

– Отдашь Микуле грамотку сию да помочь попросишь. «Так и так, – скажешь, – хочу быть богатырем, как вы с папой...»

И после слов этих вручил Иван-отец сыну булаву фамильную, нежно шлепнул по загривку и благословил.

Долго ехал Иван в Киев-град. Не потому, что дороги были плохи, и не потому, что далек был путь от Мурома до столицы. А потому, что не хотелось дураку появляться перед Микулой Селяниновичем безвестным просителем. Куда лучше прийти, например, с отрубленной головой Змея Горыныча за плечами или, на худой конец, с Соловьем-разбойником под мышкой. Потому Иван выбирал самые кривые дороги, заглядывал в каждый трактир и выпрашивал про местную нечисть.

С нечистью на Руси было плохо. Богатырей в последнее время развелось столько, что поголовье Горынычей резко упало. Лишь однажды блеснул Ивану луч надежды: назвавшийся Сусаниным пожилой мужичок пообещал провести его к самому логову Лиха Одноглазого. Иван начистил до блеска отцовскую булаву, быстренько перелистал главу «Лихо – не беда» из «Моральных присказок» и отправился в путь. Мужичок долго водил его по болотам, потом махнул рукой и признался, что сам заблудился. Иван в сердцах отодрал мужика осиновым прутом, после чего стал искать Лихо сам. Но наткнулся лишь на покосившуюся древнюю избу с выбитыми окнами и выломанной дверью. На стене было выцарапано: «Проверено. Лих нет. Богатырь Попович».

Заночевав в избушке, Иван в самом тоскливом расположении духа отправился напрямик до Киева. Деревушки окрест дороги становились все больше, выбор в трактирах все богаче, и даже деревенские мужички выглядели порой сытыми и довольными. Молодые девки лукаво подмигивали статному и молодому дураку.

Иван несколько приободрился. Что ж, пусть и не довелось ему прибыть в Киев прославленным богатырем, ничего. Ведь и сам Алеша Попович не сумел найти лиха на дороге из Муромы в Киев! Все еще впереди!

Так думал дурак, поглаживая висящую на поясе булаву. И, как ни странно, не ошибался.

Ближе к вечеру пятого дня заметил он на горизонте стены Киева. За стенами задорно поблескивали золотые маковки церквей, ветер доносил колокольный перезвон и вкусные запахи. Иван облизнулся и прищипорил коня.

Обгоняя подводы с хлебом и неспешно бредущих буренушек, Иванов Гнедок приблизился к воротам. Широкие ноздри Ивана трепетали, жадно втягивая столичные ароматы. Вот она, Русь-матушка! Вот оно, сердце Руси, Киев-град!

А вот и заступнички народные – два богатыря у ворот с булавами на поясах да в железных шлемах на головах. Богатыри выглядели спокойными и довольными: видать, все было тихо и хорошо на Руси.

– Куда путь держишь, парень? – окликнул Ивана один из богатырей.

Иван подтянулся и ответил как по писаному:

– Людей посмотреть, себя показать!

– А-а, в богатыри... – сразу утратив интерес, зевнул дежурный. – Ну давай, давай, проезжай...

Слегка задетый неласковым приемом, Иван проехал в ворота и оказался на площади. Тут было шумно и весело. Вдоль домов, опасливо поглядывая на дежурных богатырей, стояли корабейники с заморским товаром. Сновали юркие воришки и вальяжные девки. Продавец медовых пряников зазывно выкрикивал:

– Пряники, пряники! Один за грош, два на копейку! Сладкая парочка! Игра или дело – жуй пряник смело!

Иван купил на копейку пряников и подъехал к сборщику дани, возле которого выстроилась небольшая очередь приезжих. Увидев Ивана, мужички расступились, и он гордо подошел к столу без очереди.

– Цель приезда в стольный град? – буркнул сборщик, царапая что-то палочкой на свежей бересте.

– В богатыри, – наученный неудачей у ворот, ответил Иван.

– Родственники в столице есть?

– Нет.

– Приглашение от Микулы Селяниновича?

– Тоже нет, – растерялся Иван. – Вот, грамотка к нему разве что...

– Не важно. Рупь.

Иван подавился пряником и потянулся к булаве.

– За что рупь-то?! Я на рупь корову могу купить!

– За пользование дорогами стольными, за право гостить в стольном граде и на нужды князя Владимира и его богатырей.

– А... – успокоился Иван. – Это значит, мне ж потом этот рупь и вернется.

– Ты что, дурак? – подняв глаза, спросил сборщик.

– Иван-дурак, – гордо ответил тот. – Неужто весть до вас дошла?

– Дошла, – глядя на Ивана честными глазами, ответил сборщик. – За весть – еще полтина. И не жалея, все равно, как станешь богатырем, все к тебе вернется.

Успокоенный Иван отдал рупь с полтиной, получил нацарапанное на бересте разрешение проживать в Киеве три дня и три ночи, после чего отъехал в сторонку и стал догрызать пряник, оглядывая площадь. И тут его взгляд приковала удивительная картина.

На площадь въезжала печь. Обыкновенная русская печь, из высокой трубы которой валил дым. За печью, привязанная крепкой веревкой, тащилась телега, наполовину груженная березовыми дровами. Самым удивительным было то, что никаких колес у печи не было и двигалась она непонятно как. Телега, поскрипывая, тащилась за печью, обдирая боками ворота.

Иван осенил себя крестным знаменем и на всякий случай подъехал поближе. Быть может, представится случай подвиг совершить?

Печь въехала на центр площади и остановилась. С печи спрыгнул молодой парень в золотых портках и красной рубахе и принялся торопливо набирать с подводы охапку поленьев.

Народ начал хихикать. Какой-то ребяенок запустил в печь огрызком яблока. Толстошекий мужик, по виду – богатый купец, крикнул:

– Что, твоя кобыла дрова жрет?

– А на печенегов с таким конем не слабо пойти? – поддержал купца один из дежурных богатырей.

Печной наездник, не обращая внимания на насмешки, принялся разводить в печи огонь. Иван потер затылок и, уловив настроение толпы, тоже отпустил шутку:

– Масть у твоей клячи странная!

Парень в красной рубахе вновь вернулся к телеге, выбрал полено посучковатее и подошел к Ивану.

– Емеля меня зовут, – представился он. – А ты кто такой, охальник?

Иван прикинул размер полена и, усмехнувшись, ответил:

– Как зовут меня, тебе знать не велено. А коли хочешь узнать, как моя булава прозывается...

Докончить он не успел. Емеля что-то шепнул себе под нос и запустил поленом в Ивана.

С молодецким посвистом дурак выхватил булаву и огрел летящее к нему полено. То отскочило на метр, повисело в воздухе и снова бросилось к Ивану.

«Нечистое дело», – догадался Иван и принялся лупить полено что есть мочи.

Народ потихоньку разбежался. А возле печи шла жестокая сеча. От полена остались одни щепки, но Емеля ловко выхватил с телеги другое, а затем – все новые и новые порции дров, запуская ими в Ивана. Вошедший в раж дурак перехватил булаву в левую руку, а в правую взял сабельку острую. Теперь он вначале оглушал полено булавой, а потом рубил его на мелкие небоеспособные щепки. Землю устлали вяло шевелящиеся стружки.

А в это время из окна одного из домов за сражением наблюдал незнакомец в черном, чье имя пока останется для нас загадкой. Черная ряса зловеще колыхалась вокруг его тощего тела.

– Алена, – сказал незнакомец, обращаясь к кому-то в соседней комнате, – эти молодцы на площади мне кажутся подозрительными.

– Да когда ж ты от людей добрых отстанешь, Гапон! – раздался в ответ низкий и мрачный женский голос.

Словно не слыша в голосе женщины раздражения, Гапон добавил:

– Тот, чернявый, сразу видно – дурак. А дураки опасны... Того ж, на печи, пожалуй, можно будет использовать...

Однако вернемся к нашему герою.

Расправившись с дровами и потирая многочисленные синяки, Иван приблизился к перепуганному Емеле.

– Познакомься-ка с моей левой рученькой! – крикнул Иван и отвесил Емеле оплеуху.

Емеля охнул.

– Познакомься-ка и с правой рученькой! – продолжил Иван.

Емеля ахнул. Потер горящие огнем щеки и удивленно констатировал:

– Левая рука у тебя покрепче будет. Левша, что ли?

– Левша, – смущенно признался Иван. – Переученный, правда...

– Так и я левша!

Недавние враги потупились.

– Ну что, разойдемся, что ли?.. – предложил Иван.

– А может, сперва поужинаем, богатырь? – предложил Емеля.

Польщенный Иван улыбнулся.

– А с поленьями ты лихо управлялся, – признал он. – Я уж думал – не сдюжу!

Емеля зарделся.

– Я трактир один знаю, – начал он. – Медовуха там знатная...

– Медовуха – это дело.

Не сговариваясь, Иван с Емелей собрали с земли щепки и запихали их в печь. Потом Емеля взобрался на лежанку, Иван – на коня, и новоиспеченные друзья неспешно двинулись к трактиру.

– Я печи-то люблю, – смущенно признался Иван. – С малых лет на загнетке валялся. Зола теплая, сажа мягкая... Мамка парным молочком поит. Лепота! Одна беда – отмыться толком не могу. Зола аж до костей въелась.

– Ничего, – махнул рукой Емеля. – Сходим как-нибудь в баньку, отскребем...

– А ты зачем в стольный град пожаловал? – поинтересовался Иван. – В богатыри?

– Не, куда мне в богатыри-то... – Емеля склонился с печи и прошептал Ивану на ухо: – Любовь у меня. Царевну полюбил.

– Какую?

– Несмеяну, дочку Владимирову. Вот рассмешу ее да и получу в жены. Еще и полцарства обещают.

– А как рассмешешь?

Емеля засмутился:

– Да... Есть у меня одна примочка... Справлюсь.

За разговором и не заметили, как до трактира добрались. Народ на улицах дивился, но охальничать не спешил. Видать, булава Иванова производила хорошее впечатление на заносчивых киевлян.

У трактира Иван слез с коня, бросил поводья подбежавшему мальчишке-половому и велел:

– Задашь меру овса да протрешь досуха. Не ленись, а то обижу.

Иван двинулся в гостеприимно приоткрытые двери трактира. За его спиной Емеля втолковывал половому:

– Нарубишь дров, только осинового не бери, бери березовые. От них жара больше, а копоти меньше. Зола выгребешь. Приду – проверю!

Свободный стол нашелся не сразу. Пришлось выгрести из-за него четверых пьяных киевлян да отнести их к двери. После этого друзья уселись друг против друга и лукаво переглянулись.

– Медовухи! – гаркнул Иван.

– Зелена вина! – добавил Емеля.

Из закуски имелись лишь медовые пряники по копейке пара и печеные каштаны. Но друзей это не смутило.

– Как будешь к Несмеяне пробиваться? – поинтересовался Иван после третьей кружки медовухи. – Простых мужиков к ней пускать не велено.

– А я простой? – плаксиво спросил Емеля, роняя голову в ладони. – Простой, да?

– Емелюшка, не обессудь... – Иван похлопал друга по плечу. – Я-то знаю, какой ты крутой, а Владимиру сие неведомо. Знаешь что, иди-ка со мной в богатыри! Тут-то тебе дорога к Несмеяне открыта будет.

– Подумаю, – наполняя очередную кружку, сказал Емеля. – Подумаю...

Медовуха с пряниками шла замечательно. Когда бражники приступили к зеленой вину, на Ивана напала сентиментальность.

– Ох, отец-богатырь, как же ты без меня будешь? – причитал он. – Кого теперь сечь станешь? Ох, мамка! Ох, печка теплая... Я ее, бывало, по всей избе двигал, выбирал, где поуютнее...

– А моя печка сама ездит... – лепетал Емеля. – Это все она... Она удружила...

– Кто она? Печка?

– Какая печка?

Иван поморгал и наполнил кружки заново.

– Она... – продолжал говорить загадками Емеля. – И в Киев она меня отправила. Женись, говорит, на царевне. А я ехать не хотел, ленивый я очень. К тому же и родным помогать надо. Папка старый... ик!.. мамка старый... Как они дрова из леса возить будут?..

Емеля встал и побрел к двери. Иван продолжал пить. Когда Емеля вернулся, будущий богатырь уже заказал новую четверть вина.

– Печку я домой отправил! – падая на стул, сообщил Емеля. – Пускай она мамке дрова возит! Наливай!

От дальнейшего вечера у Ивана сохранились самые смутные воспоминания. Помнилось, что ходили они с Емелей по трактиру и спрашивали у бражников, не печенег ли они. Но печенегов не нашлось. Потом пили медовуху. Потом опять зелено вино. Иван кричал, что Емеля ему теперь – брат родной, а Несмеяна – золовка ненаглядная. И объяснял, что Емеля непременно будет богатырем. Пили. Требовали у трактирщика закуску, но и пряники и каштаны кончились. Емеля клялся, что для Ивана ему ничего не жалко. И что закусь он враз организует...

Потом опять искали печенегов. И, кажется, одного нашли.

...Солнышко ласково било в глаза Ивану-дураку. Будущий богатырь разлепил очи ясные, проморгался и огляделся. Трактир был пуст. Емеля исчез. Стол был уставлен пустыми четвертями, меж которых валялись огрызки пряников и куча рыбьих костей. Видать, организовал-таки Емеля закуску.

– Ай да мы, – прошептал Иван. – Богатыри, не мы... Трактирщик!

Из-под стойки выполз трактирщик.

– Где печенег? – спросил Иван строго.

– Не было такого, – признался трактирщик.

– А кого ж мы лупили за Русь-матушку?

– Мойшу-портного.

– Да?

Иван погрузился в раздумье. Потом сказал:

– Врешь. Печенег то был... А дружок мой где?

– Ушел с печенегом обновку шить богатырскую, – покорно сказал трактирщик.

«Решился-таки в богатыри», – подумал Иван. Помолчал. Потом взял со стола недогрызенный рыбий хвост и стал им обмахиваться.

– Душно мне... Тяжко... Поправиться бы, а?

– Вмиг! – ожил трактирщик. – Только что завоз был.

Вскоре на столе появилась немудреная богатырская снедь: крынка огуречного рассола, коврига хлеба, пара бананов и спелый ананас. Иван вяло выпил рассол, закусил бананами, потом размазал ананас по ковриге и проглотил.

Полегчало...

– Сколько с меня, добрый человек? – поинтересовался он.

– Рупь с полтиной да два гроша на чай, – сообщил трактирщик.

Иван, не споря, заплатил и, почти не пошатываясь, вышел на конюшню. Оседлал Гнедка и медленно поехал в направлении богатырских казарм. По дороге неторопливо проверял пожитки – не уперли ли ночью чего лихие молодчики. Деньги целы. Булава на месте. Конь... Конь на месте. Грамотка отцовская к Микуле... Грамотка!

Грамотки не было. С минуту Иван-дурак обшаривал карманы, и вдруг шальная мысль забрела ему в голову. Емеля! Он грамотку спер! Предатель! Негодяй! Ах, Емеля, Емеля, браток названный...

Часть первая Три богатыря

Глава первая, *в которой Иван опаздывает к собственному прибытию и готовится трижды помереть*

Богатырские казармы были украшением стольного града Киева. Окруженные цветущими каштанами и питейными заведениями, казармы сии издавна стали местом отдыха горожан. Сюда приходили детушки малые – на богатырей-заступничков посмотреть, старцы седобровые – о жизни погутарить, девки веселые – род богатырский множить. Иван с восторгом оглядывал праздную публику, и ему хотелось громко и радостно крикнуть: «Я – Иван-дурак, будущий богатырь!»

Но он сдерживался.

Уже шагов за сто от казармы Иван слышал задорный посвист сабелек и глухое уханье булав. То богатыри забавлялись играми молодецкими.

Гнедок прятнул ушами и подозрительно посмотрел на Ивана: туда ли мы едем.

– Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься! – гаркнул Иван. Открыл было рот снова, но забыл, что полагается говорить дальше, и закрыл его.

Подъехали к воротам, отлитым из пудовых подков, износившихся под лошадьми богатырскими. «Первое испытание», – понял Иван и распахнул ворота. Очам его открылась чудная картина.

На широкой дубовой лестнице, перемежая дело импровизированными присказками, фехтовались на булавах богатыри. Одеты они были в кольчуги булатные, рубахи шелковые да сапоги кирзовые. Особенно понравился Ивану толстый и потный богатырь лет пятидесяти, который, обломав булаву о головы настырных сотоварищей, схватил за ноги другого богатыря – с тонким интеллигентным лицом – и стал лупить противников им. Интеллигентный богатырь при этом не терялся и в момент удара пытался укусить сотоварищей за незащищенные части тела. Лестница тряслась от богатырского хохота.

– Как пройти к Микуле Селяниновичу? – спросил Иван у проходившего мимо богатыря, слезая с перепуганного Гнедка.

– К Микуле? Да по лестнице дубовой, в палаты каменные, – с тщательно скрываемым почтением ответил богатырь.

Иван вдохнул побольше воздуха и, поминутно извиняясь, стал протискиваться мимо резвящихся. Пару раз его огрели булавой, разок укусили за ногу, но через каких-то полчаса Иван вошел-таки в палаты каменные.

Микула Селянинович сидел на лавке и задумчиво перебирал руками землю сырую, насыпанную в большую дубовую кадку. Он тосковал по простому пахарскому труду, но, как мог, боролся с этим чувством.

– Исполать тебе, Микула Селянинович, – нараспев обратился Иван и в пояс поклонился. – Привет тебе от старого друга, Ивана Черной Руки, Грозы Морей. А я сынок его беспутный, Иван-дурак. Пришел к тебе знатную службу сослужить, постоять за землю Русскую, лечь костями за дело правое.

– Сядь пока, – глухо произнес воевода и, убедившись, что его трогательная тоска по прошлому замечена, отставил кадку в угол. – А сколько ж тебе лет, дитя мое?

– О, очень много, сударь, восемнадцать! – с восторгом ответил Иван.

– Рука твоя тверда?

– Тверда!

– Нога твоя тверда?

– О да!

– Ну и белиберда, – тоскливо простонал Микула, но все же продолжил: – Вот верная черта...

– Всегда! – не к месту, но в рифму встрял Иван.

– ...дурацкого, испытанного стиля, – продолжил Микула Селянинович, не обратив на него внимания. – О Боже!.. И я таким же юным был, когда мы печенегов в первый раз побили...

Наступило тягостное молчание. Первым нарушил его Микула:

– Чего это мы, а?

– К слову пришлось, – вежливо ответил Иван-дурак. – Так я, значит, в богатыри записаться хочу.

Микула помолчал, потом задумчиво произнес:

– В богатыри... Так ведь богатырю надобно иметь не только сердце доброе, а ноги твердые, не только булаву тяжелую, а голову крепкую, надобно еще...

Но Иван так и не узнал, что еще надобно настоящему богатырю. Микула Селянинович медленно поднялся и переспросил:

– Так ты говоришь, что сын дружка моего старого, Ивана Черной Руки, Грозы Морей? А где грамотка твоя рекомендательная?

– Нету, – со стыдом признался Иван. – Выкрадена ночью татем лихим.

– Выкрадена, говоришь. Может быть. На отца ты и вправду похож, только рожа еще глупее. Но вот какая беда: являлся уже утром один добрый молодец с грамоткой, где сказано, что он – Иван-дурак!

– То тать ночной! – возопил Иван.

– Возможно, возможно... Но в богатыри он уже зачислен, и дать делу обратный ход я не вправе. Посуди сам, добрый молодец: обстановка в Киеве сложная. Владимир Красно Солнышко заботами затуманен, Василиса Премудрая в сторону Кашеева царства поглядывает... Поп Гапон воду мутит, интригует. Бояны песенки крамольные по кабакам поют... И тут такой скандал: богатырь-самозванец! Как же после этого народ станет на защитников своих поглядывать? Нет, Иван. То есть не Иван, а незнакомый мне молодец. Не могу я тебя в богатыри принять!

– А что же мне делать?! – испуганно вскочил дурак. – Деньги, как вода, меж пальцев текут, в городе жить лишь три дня разрешили!.. Не могу я к батьке с позором воротиться! Хворостиной до смерти заперет!

Микула потер лоб.

– Что делать? Подвиг соверши, тогда я тебя и без грамотки в богатыри зачислю. Будешь прозываться Иван-дурак Второй или Иван-дурак Премудрый. Как захочешь. А рубли... тьфу! Возьми да свои настругай, сейчас во всех губерниях так делают. Не захочет трактирщик принимать, так ты его – булавой! Кстати, если красиво настругаешь, мне принеси, я коллекцию собираю.

Иван кивнул и грустно поплелся к выходу.

– Эй, постой! – окликнул его Микула. – Можешь просто самозванца в мать сыру землю вогнать по маковку, грамотку свою забрать да и числиться богатырем. Я виду не подам, а остальные с тем богатырем еще не побратались.

Воспрянув духом, Иван выбежал на дубовую лестницу. Богатырские игрища на ней уже кончились, зато – о улыбка судьбы! – посреди лестницы сидел предатель Емеля!

Иван вытащил булаву, поплевал на ладони, подкрался к Емеле сзади и завопил:

– Попался, тать ночной! Вставай, то смерть твоя пришла! Выходи со мной на сыру землю биться, я тебя в три удара в землицу вколочу!

Емеля повернулся и грустно сказал:

– Здорово, Иван... Чего орешь-то?

– Выходи со мной... – на тон ниже начал Иван.

– Банан хочешь?

– Хочу, – признался Иван и, отложив булаву, сел рядышком. Емеля достал из-за пазухи гроздь спелых, лишь чуть-чуть мятых бананов, и они принялись сноровисто очищать излюбленный россиянами фрукт. После второго банана Иван осведомился:

– Чего ж ты, падла печенежская, грамотку мою спер?

– Как спер? – обиделся Емеля. – Ты ж сам ее подарил! Сам в руки сунул да уговорил в богатыри пойти, тобой назваться, чтоб к Несмеяне допустили.

Иван потер лоб... И вспомнил. Точно. Пихал он Емеле в руки грамотку, кричал слова задорные, уговаривал, словно девку красную... Охохонюшки... Сам свое богатырское счастье отдал!

– Ну и как, допустили? – со смущением поинтересовался он.

– Вечером заступаю в караул у ее опочивальни, – грустно сказал Емеля. – Да, Иван, тяжка служба! Как мне сегодня бока намяли, вспомнить страшно... Эх, просил же я ее дать мне силу богатырскую! Не пойму, то ли не дала, то ли я и прежде богатырем был... Оплошала она.

– Кто «она»?

– Да шука моя волшебная, что все желания выполняет...

Иван крепко зажал рот боевой рукавицей. Ему вдруг явственно вспомнилось, как стоящий в обнимку с полоненным печенегом Мойшей Емеля вопит: «Закуски нет, Иванушка?! Не беда, исправим! Мне для тебя и ее не жалко!» А еще вспомнились Ивану рыбы кости на трактирном столе.

– У тебя память часто отшибает? – поинтересовался Иван.

– Нет, сегодня впервой такое случилось... Как медовуху пили – помню, как печенега полонили – тоже. А дальше – хоть убей... К слову, убивать-то ты меня будешь?

– Что ты, Емелюшка, – ласково сказал Иван. – То шутки наши, богатырские. Ну, пора мне.

И он тоскливо пошел дальше, вытирая о кольчугу измазанные в бананах пальцы. Бедный Емеля! Лишился своей единственной опоры – шуки! А ради кого? Ради него, дурака! Как тут обижаться...

Иван всхлипнул, промокнул глаза носовым платочком и сослепу налетел на бредущего по двору богатыря.

О, это был богатырь так богатырь! Лицо его было отмечено печатью аристократизма, булава была украшена камнями самоцветными, а походка – почти тверда. От Иванова толчка он упал на землю, но сноровисто поднялся и насупил брови.

– Извиняйте, – буркнул Иван и попытался проследовать дальше. Но богатырь крепко держал его за кафтан.

– Добрый молодец! Вы скверно воспитаны! Вы толкнули богатыря, находящегося в состоянии жестокого похмелья, и считаете, что это вам сойдет с рук?!

– Я толкнул вас нечаянно, а толкнув – извинился, – ответил Иван, пытаясь освободиться. Богатырь отпустил кафтан, но вслед презрительно бросил:

– Сразу видно, что вы не киевлянин...

– Да! – взвился Иван. – Из-под Муром я! Но это обстоятельство не мешает мне окоротить на голову заносчивого киевлянина!

– Хорошо, – промолвил богатырь довольно. – В полдень на Куликовом поле. И не забудь мамке с папкой отписать, что погиб от рук Добрыни Никитича.

– Добрыня! – охнул Иван. Но богатырь уже удалился в казарму.

Продолжая свой путь по двору, Иван прикидывал, как поделикатнее сообщить родителям горестную весть. Может, сначала написать все свежие новости, а в постскрипте упомянуть: так, мол, и так, убит Никитичем... Или наоборот: сначала сказать, что помер от рук Добрыни, а потом весело пересказать предшествующие собы...

Сегодня у Ивана был невезучий день. Он не заметил группу богатырей, едущих наперерез, и был сбит лошадейю того самого толстого богатыря, который давеча так ловко расправлялся с сотоварищами на лестнице. Наткнувшись на покрытый кольчугой лошадиный бок, Иван-дурак запнулся и упал под конское брюхо. Богатырь остановился и с хохотом заявил:

– Попал под лошадь! Ну и добры молодцы шастают по нашему двору! Со смеху помрешь!

– Дави его, Илюха! – радостно посоветовал ему другой богатырь.

– Да ладно, пускай живет. Тем паче, по роже судя, земляк он мой.

Иван потряс головой и сел под лошадиным брюхом. Посмотрел вверх и поморщился. Позор! Даже не конь добрый его сбил, а добрая кобыла.

– Славная у тебя лошадь, Илюшенька, – подал тем временем голос тот богатырь, что советовал задавить Ивана. – Будь эта кобыла конем, была б ей цена триста рубликов.

– Ха! Эта лошадь отродясь конь, а цена ей – пятьсот рублей! – не моргнув глазом, соврал Илья. – Эй, добрый молодец, долго будешь под моим конем разлеживаться?

Иван-дурак вылез из-под лошади, раздвинув спускающиеся, видно для маскировки, до самой земли звенья лошадиной кольчуги, и ехидно ответил:

– Был бы конь – сразу б вылез! Искал я, за что ты пятьсот рубликов отдал, а нашел только на триста!

Наступило гробовое молчание. Илья поднял булаву, потряс ею, потом сдержался и коротко произнес:

– Ровно в полдень...

– На поле Куликовом, – поддержал его Иван. И, понимая, что помирять все равно придется, добавил, куражась:

– Только не подводи своего коня к моему Гнедку. Он у меня как огонь жарок, не устоит!

– Не люблю я земляков убивать. Да придется, – со вздохом сообщил богатырь. – Пока, муромчанин!

«Земляков?..» – понял вдруг Иван.

– Илья Муромец?! Заступничек?!

Но тот уже ехал дальше, сокрушаясь о нынешней молодежи, которая не способна отличить коня от кобылы.

– Так, доигрался, – пробормотал себе под нос Иван. – Добрынюшка-то добрый, может и пощадить... А вот Муромца я обидел знатно... Кто ж меня, дурака, за язык тянул? Ой-ой-ой.

Он взнуздal Гнедка и печально промолвил:

– Теперь буду практиковать хорошие манеры. Без закуски не пить, матушке письма писать... С богатырями не ссориться. О! Кстати...

Перед Иваном стояла группа о чем-то оживленно беседующих богатырей. Один из них, тощий и интеллигентный, был дураку знаком. Именно его использовал Муромец на лестнице в качестве булавы.

Так вот, из кармана этого богатыря случайно вывалилась грамотка. И рассеянный богатырь, наступив на нее кирзовым сапогом, стал втаптывать бересту в грязь.

– Расступись, расступись! – заорал Иван и, ловко перегнувшись с коня, выхватил грамотку из-под сапога богатыря. Тот смерил его гневным взглядом и заявил:

– Что это вы, молодой человек, в грязи роетесь?

– Вот, – радостно пролепетал Иван, протягивая богатырю грязную бересту. – Вы письмецо обронили.

– Это не мое письмо.

– Но я же видел, как оно выпало из вашего кармана! – настаивал Иван.

– Ха! – хором воскликнули богатыри, поглядев на бересту. – Почерк Марьи-искусницы. Уж не шашни ли у тебя с ней, Алешенька?

– Нет. Это не мое письмо. И почерк не Машин. Или вы хотите сказать, что и сами получали от нее письма?! – заорал богатырь. Его товарищи сконфуженно опустили глаза.

– Это просто заявка Микуле Селяниновичу на комплект праздничных кольчуг, – потрясая грамоткой, продолжил Алеша угрожающе. – Верите?!

– Верим, верим, – затараторили богатыри.

– Ну хорошо, коли так. Я отдам бересту Микуле... при случае.

Богатыри стали торопливо расходиться. Иван остался один на один с Алешей.

– Юноша! Вы – убийца! – гневно заявил Алеша.

– Да? – удивился дурак.

– Да! Вы убили мою веру в чистую любовь. Так что...

– В полдень, на Куликовом поле, – обреченно сказал Иван. – Да, кстати, вы, часом, не знаменитый Алеша Попович?

– Он самый, – удивился богатырь. – Откуда знаешь?

– Догадался, – разворачивая Гнедка, бросил Иван. – До встречи на поле...

Долго скакал Иван по Киеву. «Ох и дурак, – думал он о себе. – Поссориться с тремя былинными героями, с тремя богатырями!» Он прищипывал Гнедка и гнал все дальше и дальше, пока не понял, что его одолевает сушняк. Подъехав к колодцу, Иван стал ждать.

Через полчаса к колодцу подошла красна девица.

– Красна девица! – позвал ее Иван.

Та лукаво улыбнулась.

– Дай-ка мне испить водицы, от вражьей крови умыться, – продолжил Иван.

– Какой смешной, – фыркнула девушка и, набрав полное ведро, изящно протянула его дураку. Второе она поставила перед Гнедком, чем сразу завоевала сердце последнего.

Допив водицу, Иван икнул и спросил:

– Как звать-величать тебя, красна девица?

– Марья-искусница, – томно произнесла красавица. – И никакая я не девица, а вовсе мужнина жена.

– То дело поправимое, – похлопав по булаве, сказал Иван. – Ох, Марьюшка, любя ты мне! Давай пофлиртуем легонько?

– Светло еще, добрый молодец, – остановила она его порыв. – Что люди добрые скажут? Приходи вечером на сеновал.

– Эх, Марья. Не дожить мне до вечера, – грустно сообщил Иван. – Вызвался я биться с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем да Алешей Поповичем... Кранты мне.

– Да, тяжело дело, – облокотившись о колодец, сказала Марья-искусница. – Со всеми сразу, что ль, биться будешь?

– Выходит, что так. В полдень, на Куликовом поле.

– А победить слабо?

– Слабо, – признался Иван. – Да и не поднимется у меня на заступничков народных булава.

– Чем бы тебе помочь?.. – задумалась Марья, доставая из кармана горсть жареных семечек и увлеченно их лузгая. – Будешь?

– Да я больше бананы уважаю, – слабо возразил Иван, но угощением не побрезговал. – Так как насчет флирта, а?

– Приходи на сеновал, – твердо повторила Марья. – А на поле Куликовом всякое может случиться. Не вешай носа раньше времени.

– Буду жив – приду, – вздохнул Иван и медленно поехал на Куликово поле.

Глава вторая, *о том, что три головы хорошо, а четыре – лучшие*

Прибыв на поле, Иван обнаружил, что опередил всех трех своих противников. Будучи человеком хоть и простодушным, но не лишенным определенного чувства юмора, Иван усмехнулся про себя: «Похоже, на тот свет я спешу больше остальных... – Но тут же мысль его продолжила: – Оно и понятно, потому как противники мои – настоящие былинные богатыри, на тот свет они и не собираются...» От догадки этой Иван приуныл и понурился.

Горестные размышления его прервало появление богатырей. Появившись с разных сторон Куликова поля, они одновременно сошлись в его середине и теперь озадаченно разглядывали друг друга.

– Та-ак, – нарушил тишину Илья Муромец, – что это значит?

– Я дерусь с этим добрым молодцем, – объяснил Добрыня, указывая на Ивана рукой и тем же движением как бы приветствуя его.

– Но я тоже дерусь с ним, – заявил Илья.

– И я, – добавил Алеша.

– А теперь, милостивые богатыри, когда вы все собрались здесь, – поспешил прояснить ситуацию Иван, – разрешите мне принести вам свои извинения.

При слове «извинения» лицо Добрыни затуманилось, по губам Ильи скользнула пренебрежительная усмешка, Алеша же отрицательно покачал головой.

– Вы не так меня поняли, – поспешил объясниться Иван, – я прошу вашего извинения за то, что убить меня сможет лишь один из вас троих, а значит, еще двое останутся без должного удовлетворения. Поверьте, ежели я мог бы умереть трижды, я бы сделал это из одного только уважения к вам. И еще. Хочу я попросить вас: опосля гибели моей отправьте отцу-батюшке моему весточку. Что, мол, полег твой сын Иван-дурак за землю нашу Русскую. – Иван шмыгнул носом. – Но никому больше о том, как звать меня, не сказывайте: пусть молодец Емеля, моим именем воеводе назвавшийся, так дальше и прозывается... – Говоря это, он ощущал крайнее смущение от мысли, что богатыри решили, будто он хотел уклониться от поединка. Потому, произнеся вышеприведенную тираду, закончил он так: – А теперь – к делу! – И, выхватив без дальнейших проволочек булаву, принялся угрожающе раскручивать ее над головой.

Богатыри умиленно его разглядывали.

– Славный юноша, – заметил Добрыня.

– Не честь бы богатырская, предпочел бы я его иметь не во врагах, а в сотоварищах, – признался Илья.

– Согласен с вами, друзья мои, – сказал Алеша, – однако драться придется, и тут наше положение еще сложнее, чем его, – кивнул он на продолжающего со свирепой физиономией размахивать булавой Ивана. – Не можем же мы, в самом деле, вдвоем наброситься на этого бедного отрока. Как быть?

– Самым разумным будет драться с ним по очереди, – предложил Добрыня. – Давайте посчитаемся, кому первому.

– Не пойдет! – не прекращая вертеть булавой, выкрикнул Иван. – Первый имеет больше шансов получить удовлетворение! Вместе деритесь, кому повезет!

– Давайте так, – высказал свой вариант Илья, – пока он двоих не ухайдакает, драться не будем. А уж кто останется, тот ему за всех оплатит. – С этими словами он, покорясь судьбе, закрыл глаза и, вытянув руки по швам, замер. Не долго думая его примеру последовали Добрыня и Алеша.

Запыхавшийся Иван опустил булаву и обиженно крикнул:

– Вы что, издеваетесь?! Как же я могу беззащитных людей бить?

Богатыри открыли глаза и переглянулись.

– Да-а, – протянул Илья Муромец, – незадача...

И тут сие неестественное равновесие благородств нарушило появление на поле необычного существа. Вообще-то трехглавый змей на Руси – не диковина. Ребятишки их дразнят, богатыри, прибавляя себе славы, с ними бьются, а особо удачливые крестьяне даже ухитряются, запрягши, пахать и боронить на них землю. Но существо, появившееся на Куликовом поле сейчас, было необычно как раз тем, что голов у него было не три, а четыре. Поглядывая на явно лишнюю голову, три остальные тоскливо взреывали. Богатыри уставились на змея.

– Непорядок, – прервал всеобщее замешательство Илья Муромец, – нас трое, а голов – четыре. Кому-то две достанется, а это – нечестно...

– Позвольте с вами не согласиться! – вскричал Иван, радуясь возможности перед смертью совершить хотя бы один подвиг. – Нас не трое, нас четверо! – И выкрикнул первую часть легендарного богатырского лозунга: – Один за всех!..

– И все за одного! – рефлексивно отозвались богатыри и, выхватив мечи из ножен, ринулись на змея.

Бедное животное и не думало сопротивляться. Пытаясь уклониться от острых лезвий, три его головы беспорядочно мотались из стороны в сторону, переплетались шеями и, натываясь на лишнюю, ошалело хлопали глазами. Последняя же, словно выпавший из гнезда птенец, с любопытством озиралась окрест до тех пор, пока булава Ивана не прекратила ее ознакомление с миром. Удар раскроил зеленый череп, а еще через минуту каждый из богатырей отсек по «своей» голове.

Ноги змея расплзлись, он осел на землю и вдруг, вспыхнув ярким голубым пламенем, исчез.

Иван пораженно смотрел на то место, где только что стояло чудище; привычные же к этому явлению богатыри спокойно отерли мечи о траву и вложили их в ножны.

– Я к вашим услугам! – воскликнул Иван, очнувшись. – Продолжим поединок! – И тут заметил, что богатыри о чем-то таинственно перешептываются. Совещание их быстро закончилось, и слово взял Алеша Попович:

– Вот что, добрый молодец. Негоже нам драться с тобою после того как вместе мы чудище одолели, землю Русскую защитили.

– Что, трусили?! – истерично закричал Иван и даже сам обалдел от своей дурости.

Богатыри довольно заржали.

– Кончай, земля, – ласково сказал Илья, – объясни-ка лучше, чего это ты про лиходея рассказывал, именем твоим воеводе назвавшегося?

Иван понял, что боя не будет, но радости своей сумел не выказать.

– Да не лиходей Емеля, – махнул он рукой и принялся подробно рассказывать о своей с оным встрече, о его любви к Несмеяне и о собственном решении ему не мешать.

Выслушав его рассказ, богатыри растрогались.

– Да, Вань, – сказал Добрыня, когда дурак закончил свое повествование, – благородный ты юноша. Может быть, даже благородней меня. А я очень благородный. И скромный.

– Благородство благородством, а выручать надо парубка, – заявил Алеша. – Поехали к князю, все как есть расскажем, пусть он Микуле прикажет в богатыри тебя принять, а уж что с Емелей делать – пусть сам решает.

– Да не могу я... – начал было Иван, но его перебил Илья Муромец:

– А тебя никто и не спрашивает. И князю, и Микуле мы твою историю так и так расскажем, а то благородством своим ты сам себя в могилу сведешь. Так что поехали вместе.

Делать нечего. Пришпорил Иван своего Гнедка и, понурясь, двинулся вослед богатырям.

Но вскорости настроение его изменилось. Оттого, что на полдороге к палатам Владимира повстречался им княжецкий стражник.

- Не ты ль Иваном-дураком будешь?! – обратился он к нашему герою.
- Он, он, – подтвердили богатыри, – а чего?
- Микула к себе требует, в дружину принимать.
- А Емеля как же?.. – вырвалось у Ивана, но он тут же испуганно прикрыл рот ладонью.
- Самозванец-то? – расплылся в улыбке стражник. – Самозванец утек.
- И вот что, сопровождая богатырей и Ивана, рассказал стражник далее.

Заступив в караул, Емеля выбрал удачный момент и прокрался в опочивальню Несмеяны. Несмеяна рыдала над книжицей. Поднапрягшись, Емеля прочел на обложке название: «Муму».

Емеля, умилившись, замер в дверях. В этот миг Несмеяна приостановила рыдания, смачно высморкалась на пол, выжала мокрую от слез простыню, затем открыла книжицу с начала и разрыдалась с новой силой.

- Не плачь, красна девица, – хриплым от любовного волнения голосом сказал Емеля.

Несмеяна взвизгнула и, подскочив как ошпаренная, принялась судорожно оправлять ночную рубашку. Однако мокрая рубашка липла к телу, лишь подчеркивая перед охальником соблазнительные округлости. Ноги Емели от этого зрелища подкосились, и, чтобы не упасть, он покрепче ухватился за косяк.

- Ты кто? – с искренним любопытством спросила Несмеяна, прокричавшись.
- Емеля я, суженый твой, – ответил тот приготовленной заранее фразой.
- Су-у-женный? – переспросила Несмеяна и кокетливо всхлипнула. – А ежели я папеньку позову, тебе голову отрубят.

– Не отрубят, – уверенно заявил Емеля, – потому как я тебя сейчас рассмешу. А тому, кто это сделает, батюшка твой, государь, обещался в жены тебя отдать. Да полцарства в придачу. Так что он мне уже почти что тесть.

- Уже рассмешил, – хлюпнув носом, недоверчиво сказала Несмеяна.
- Не веришь, – кивнул головой Емеля. – Ну гляди. – И он торжественно произнес: – По щучьему велению, по моему хотению, засмейся, царевна!

Царевна изо всех сил попыталась скривить губы в улыбке, но ничего у нее не вышло, и она снова тихонько заплакала.

– По щучьему велению, по моему хотению, засмейся, царевна! – повторил Емеля дрожащим голосом.

- Да шука-то тут при чем?! – возмутилась царевна, вновь вздохнув разрыдавшись. – Бес-тоlochь! – И, с ненавистью глядя на Емелю, закричала: – Папенька!
- Ау, доченька, – раздался из соседней комнаты голос князя.
- Зови палача, папенька, клиент пришел!

Пораженный очередным предательством шуки, Емеля понял: пора делать ноги. И сделал их.

...Вызванный на место преступления Микула Селянинович без труда определил, кто был наделавшим переполоху неудачливым претендентом на руку и сердце царевны. Объявив на Емелю розыск по всей Руси, послал он и за Иваном-дураком, чтобы восстановить сына своего старого товарища в утерянных правах.

– Вот что, Ваня, – сказал воевода дураку, когда наша четверка появилась в его кабинете. – Теперь все у тебя путем пойдет. Но в богатыри я тебя сразу принять не могу. Поскольку ты, выходит, вроде как помог прохиндею этому – Емеле – в наше доверие втереться...

Иван хотел было возразить, но Микула Селянинович осадил его взмахом руки:

– Знаю-знаю, что не по умыслу злому, однако ж... Походи пока в «добрых молодцах», конюшни княжецкие почисти. Конюха – Авгием зовут. И там, между прочим, подвиги совер-

шать можно. А потом и видно будет. Только чую я, а опыт у меня, сам понимаешь, изряден, ждут тебя большие дела!

...Выйдя от воеводы, обрадованные богатыри принялись что есть силы дубасить Ивана по спине и плечам, приговаривая: «Ну, поздравляем, дружище!», «С назначеньцем!»...

– Это дело надо sprыснуть! – уже во дворе заявил Алеша Попович. – Давайте-ка, друзья, соберемся вчетвером в кабаке часов эдак в десять. В том, что на Муромской дороге, а?!

– Дело говоришь! – согласился Илья Муромец.

– Дело! – подтвердил Добрыня.

И богатыри вскочили на коней. А с ними и Иван – на Гнедка.

– Я бы рад, – взял он слово, – да только остановиться мне где-то надо, крышу над головой найти.

– А чего ее искать-то?! – заявил Алеша. – К дядьке Черномору тебя определим. Один черт, у него на постое тридцать три богатыря. Тридцать четвертым будешь! Тем паче с хозяйкой я знаком коротко, – добавил он потише, слегка зардевшись.

После слов этих богатыри прищепили коней и двинулись в известном им направлении. Иван поспешил вослед.

...Выйдя из черноморовской хаты, Алеша объявил:

– С хозяйкой все улажено, заходи, располагайся. Она сейчас одна дома. – И Попович многозначительно подмигнул. – А мы пока пойдем, подвигов поищем.

– Да не забудь: в десять – в кабаке! – напомнил Добрыня.

– Не забуду! – заверил Иван и шагнул в сени.

Там и встретила его хозяйшкa... Марья-искусница.

Иван так и обомлел. Марья же, приветливо улыбаясь, стояла, держа во белых руках хлеб да соль.

– Вот и свиделись, добрый молодец. И на сеновал ходить не надобно, – сказала она игриво. – Ну как, не лишней голова у змея оказалась?

– Ужель твоя работа, красавица?! – воскликнул Иван вне себя от счастья.

– Моя не моя, – скромно потупила глаза Марья, – а все-таки не зря я «искусницей» в народе прозвана...

Тут Иван опечалился:

– Ты, значит, дядьки Черномора жена?

Опечалилась и Марья:

– Так это, Ваня. Да только давно уж я при живом-то муже вдовствую. Сутки напролет Черномор с тридцатью тремя богатырями бражничает. А придет домой – сразу в ванну лезет: без воды он, понимаешь, не может.

– А на тебя и внимания не обращает?

– Не обращает...

– Да как же он может? На такую-то бабу!..

Марья-искусница, забыв на миг горести, засмеялась обольстительно:

– А ты, Иван, хоть и дурак, а хитер, хитер! Садись-ка лучше столоваться.

С этими словами Марья накинула на стол скатерть-самобранку и принялась дружка своего нового поить да потчевать.

За вкусным обедом да игровой беседой, преисполненный самых соблазнительных надежд, Иван и не заметил, как настало ему время мчаться на условленную встречу с богатырями.

Глава третья, *в которой Иван знакомится с невеселой историей своего нового друга*

Как на крыльях прилетел Иван в кабак.

– Друзья! – вскричал он, усаживаясь за уставленный снедью дубовый стол. – Поистине сегодня счастливейший день! Сегодня я приобрел не только трех прекрасных друзей, но и возлюбленную! Знали бы вы, как она хороша! Как... как...

– Эх, Ваня, – остановил его Илья Муромец, кладя тяжелую ладонь ему на плечо. – Счастье твое просто смешно. – С этими словами свободной рукой он поднял с пола трехведерную зеленую бутылку и водрузил ее на стол. – Хотел бы я знать, что бы ты сказал, если бы рассказал я тебе одну любовную историю.

– Случившуюся с тобой?

– Или с одним из моих друзей, не все ли равно?

Алеша и Добрыня многозначительно переглянулись.

– Расскажи, Илья Муромец, расскажи, – запросил Иван.

– Выпьем, это будет лучше, – попытался вдруг сменить тему Илья.

– А ты пей и рассказывай.

– Это действительно вполне совместимо, – согласился Илья, наполняя кружки богатырям и Ивану.

Как из-под земли, перед столом вырос благообразный седоватый старец с гусями на ремне.

– Ой вы гой еси, добры молодцы! – приветствовал он сидящих и протянул откуда ни возьмись взявшуюся в его руке пустую кружку, раза в три большую объемом, чем у богатырей. – Не споможете ль народному сказителю в созидании вдохновения? – спросил он явно риторически.

– Да ты присаживайся к нам, Боян, чего уж, – предложил Добрыня приветливо.

Боян погладил ладонью белую окладистую бороду, якобы размышляя, принять ли приглашение, затем ответил с достоинством:

– Что ж, не грех с героями былинными чарку распить. – И опустился на скамью рядом с Алешей.

Тот вскочил и церемонно обратился к Ивану:

– Знакомься, Ваня, это Боян. Поэт.

Затем повернулся к старцу:

– Боян, это Иван. Дурак.

– Знаю-знаю, – закивал старец. – Дуракам на Руси завсегда почет. Много я о тебе преданий слыхивал, Ваня. А вот ликом ты каков, еще не видывал.

«Интересно, чего это он обо мне слышать мог?» – удивился Иван, но промолчал, решив, однако, порасспросить позднее.

А Боян продолжил:

– Что ж, друзья мои, за удаль молодецкую! – Он опрокинул кружку, затем смачно крякнул и занюхал выпитое грязным рукавом кафтана.

Богатыри последовали его примеру. Иван осушил свою кружку залпом и почувствовал, что его глаза вылезли на лоб. Алеша галантно подал ему крынку с огуречным рассолом:

– Запей, Ванюша. Царская водка – напиток богатырский, не сразу по нутру бывает. Не печалься, привыкнешь вскорости.

Иван опустошил крынку и лишь после этого сумел с хрипом выдохнуть.

Боян, черпая большой расписной деревянной ложкой черную икру и намазывая ее на печеные плоды хлебного дерева, вновь обратился к Илье:

– Мне показалось, своим появлением я, богатырь, перебил тебя.

– Да-да, Илья, – обрадовался Иван, к которому дар речи уже вернулся, – ты начал любовную историю...

– Вы непременно этого хотите? – обвел Илья присутствующих тяжелым взглядом. Те закивали, набивая рты яствами.

– Хорошо, пусть будет по-вашему... Один из моих друзей, некий богатырь родом, как и я, из села Карачарова, что недалеко от славного города Мурома...

– Брось жеманиться, Илюша, – перебил его Боян. – В селе-то Карачарове только один богатырь и был.

Илья Муромец густо покраснел.

– Что ж, ладно, будь по-вашему, – сказал он замогильным голосом. – Резанем правдую матку... Так вот. Родился я в селе Карачарове, что под Муромом, отец мой, батюшка, был крестьянином. И сидел я сиднем целых тридцать лет...

– А чего? – удивился Иван.

– Детский паралич, – шепотом пояснил Алеша.

Тем временем Боян, не дожидаясь приглашения, хряпнул еще кружку, утер губы ладонью и вмешался:

– Ну, эту-то историю любой дурак знает. Разве что кроме этого, – он покосился на Ивана. – И как тебя калики перехожие вылечили, и как ты Святогора-богатыря в гроб загнал. И как жену твою Калин-царь извел. А вот про любовную интрижку, – он скабрёзно хихикнул, – про это мы еще не слыхивали. Ближе к телу, Илюша!

Илья ударил кулаком по столу так, что огурцы и апельсины запрыгали по нему, как мячики.

– Слушай, дед, еще раз вякнешь, седин твоих не пожалею я...

– Молчу-молчу, – испуганно затряс головой Боян.

– Не, Илюха, ты кончай, – вмешался Алеша Попович, – старик дело глаголет. Обещал про бабу, а сам опять про калик своих...

Услыхав эту фразу, Добрыня поднялся, держа свою кружку в вытянутой руке:

– За пр-р-релестных дам!

Выпили.

– Ну ладно, – сказал Илья, – дело, значит, было так. Перебив всю нечисть вокруг Муромы, собрался я на службу ко Владимиру. Отстоял заутреню, оседлал своего добра коня и попер. Еду я, еду, вдруг – на дороге камень, а на камне том надпись...

Боян, желая вставить словечко, открыл было рот, но Илья показал ему волосатый богатырский кулачище, и тот, клацнув зубами, рот захлопнул. А Илья продолжил:

– «Налево пойдешь – в избу-читальню попадешь, – на том камне писано, – направо пойдешь – славу себе сыщешь, а прямо пойдешь – голову свою сложишь». Ну, думаю, налево мне не надо, грамоте-то я не шибко обучен. За славой мне тоже недосуг бегать, пусть она за мной бежит. И двинул я коня прямой дороженькой. На Киев. И любой богатырь бы так поступил, верно я говорю?

Алеша и Добрыня согласно закивали. И вновь опрокинули на радостях свои чарки в глотки. Вокруг раздался одобрительный гул. Впервые, доселе увлеченный беседой, Иван украдкой огляделся. В кабаке за столами дубовыми сидели по меньшей мере десятка три бравых молодцев. И все устремили свое внимание к столу его новых товарищей.

– Ну вот, – продолжал Илья, – не прошел мой конь и десятка верст, как услышал я посвист змеиный да окрик звериный. Конь мой встал как вкопанный, а я, хоть и не робкого десятку уродился, сомневаться стал: туда ли еду. Кровь от того свиста в жилах, прямо скажу, стынет.

Глянул я по сторонам – никого нетути. Глянул вверх и вижу: на трех дубах корявых гнездо огромное свито. Тут слетает с него и встает передо мной птица не птица, человек не человек...

– Соловей-разбойник, – не выдержав, вставил словечко Боян и испуганно прикрыл рот ладонью.

– Точно, – сказал Илья с расстановкой, тяжелым взглядом смерив старца. – Соловей.

– Молчу-молчу, – затравленно втянул голову в плечи сказитель.

– Правильно, – одобрил Илья, – и вот говорит мне соловьище этот поганый: «Доброго пути тебе, Илья Муромец. А давай мы с тобой, богатырь, побратаемся. Будь ты мне братом названным. Станем мы по Руси гуляти рука об руку, подвиги вершить богатырские». Ничего я ему не ответил, только вынул свой булатный меч да и срубил чудищу буйну голову...

– За что?! – поразился Иван.

– А так, – объяснил Илья, – чтоб не лез с любовью со своей.

– Темный ты, – сказал тихонько Боян Ивану на ухо, – былин не знаешь. У них, у богатырей, заведено так. Вот и Алеша с Тугариным тоже, и Добрыня...

А Муромец рассказывал дальше:

– Положил я Соловьеву голову в чемодан и дальше двинул. Чуть-чуть проехал, глядь: терем расписной. Постучал я в дверь, та из петель-то и выскочила. А в сенях – девица красная стоит, в руках кочерга – от врага обороняться. Как ударила она мне той кочергой промеж глаз, так и полюбил я ее сразу.

– Ну наконец-то до дела добрался, – радостно потер ладони Алеша, а Добрыня спросил, поблескивая глазами:

– А какая она, девка-то? Опиши, да поподробнее. Ноги там у ней какие, остальное все...

– Какая? – переспросил Илья и тут же ответил: – А мне как раз под стать. Кочерга-то у ней была в девяносто пуд.

– А ноги-то, ноги? – настаивал Добрыня.

– Ноги?... – Илья задумался, затем пожал плечами. – Ноги как ноги, шестьдесят восьмой размер.

Добрыня мечтательно закатил глаза к потолку и зачмокал губами. А Иван вспомнил свою изящную, миниатюрную Марью и вновь утвердился в мысли, что о вкусах не спорят.

– «Красна девица, – спрашиваю я ее, – как звать тебя?» – «Алена», – отвечает. «А будь ты, Алена, женой мне», – говорю. Улыбнулась она в ответ, словно солнышко взошло ясное, и вижу: люб я ей. Взял я ее на руки, отнес во поле чистое, и тут же мы с ней и повенчались – под ракитовым кустом.

– Вот это по-нашему! – хлопнул себя по коленке Алеша и от избытка чувств опорожнил очередную чарку. Иван же, разомлев от алкоголя и грез о Марье, мечтательно произнес:

– И жили они долго и счастливо...

– Если бы! – горестно осадил его Илья. – Эх, если бы. И умерли б мы в один день... Уж кто-нибудь да позаботился бы. Так нет, вернулись мы к ее терему рука об руку, тут и попутал меня нечистый похвастаться. Поставил я в горнице на стол чемодан свой да и говорю: «Глянь, Алена, от какого чудища я землю Русскую избавил!» И крышку-то отворил. Как на голову Соловьиною Алена глянула, закручинилась. «Что ж ты, богатырь, наделал, – говорит, – это ж батюшка мой, отец родный. Люб ты мне стал, Илюша, да отец – дороже. Поеду я теперича в Киев-град на тебя, богатыря, управу искать у князя, у Владимира, у Красна Солнышка». Сказала так, вскочила в седло моего коня и была такова, только пыль вдалеке закружилась. Так-то вот.

Не сдержался тут Иван и заплакал во весь голос.

– А дальше-то, дальше что было? – спросил он, всхлипывая.

– А дальше вот что, – ответил Илья, ликом чернее тучи став, – пошел я во Киев, во стольный град пешим ходом. С чемоданчиком. Три дня и три ночи шел да раздумывал: «Не по смерть ли я иду да по скорую? Не сносить мне головы, коль Алену Владимир послушает...» Вот пришел я в Киев, двинул сразу в палаты княжецкие, прошел во трапезную, глядь, князь со свитой своей пир пирует. Крест я клал по-писаному да кланялся и Владимиру, и Василисе-княгине, и боярам, и богатырям...

– Вот это я уже помню! – обрадовался Добрыня, – как ты Владимира под орех разделал. Дозволь дальше мне рассказывать, со стороны-то виднее.

– Рассказ этот ноша мне тяжкая, – молвил Илья Муромец. – Не пристало богатырю ношу с плеч перекладывать.

Он замолчал, и пауза была довольно тягостной. Наконец Илья вновь нарушил ее:

– Позднее узнал я, что, выслушав Алену, князь над ней сжалился и меня наказать обещался. А саму ее, красну девицу, за попа Гапона сосватать...

– А это еще кто? – спросил Иван.

– Не знаешь? – удивился Боян. – Ничего, узнаешь еще.

– Гапон – это Владимиров главный советник, – пояснил Добрыня. – Ежели Алена за попа выйдет, второй дамой на Руси станет, после Василисы. Но сам поп – прохиндей тот еще. Владимир ему верит, а мы, богатыри, закваску в нем вражью чуем. Да доказательств нету.

– Как вошел я в княжецкую трапезную, – продолжал Илья, – встретил меня Владимир неласково. «Это кто еще, – говорит, – к нам пожаловал, словно пес, пешком, не на коне лихом? Посадите-ка его на конец стола, там, где нищие да убогие...» А рядом с князем попишка сидит. Тот так надо мной насмеяется: «То, видать, к нам Илюшка пожаловал, что не знает, как к девице свататься, не срубив головы ее батюшке». Осерчал я, понятно, за стол садиться не стал, только чемоданчик свой на него кинул да и вон пошел...

– Ой, погоди, Илья, – снова влез Добрыня, язык которого слегка заплетался, – дай я хоть расскажу, что у князя потом было, ты же не видел. Когда ты вышел да дверью хлопнул, стены в тереме треснули да покосились. Чемоданчик мы открыли, там – голова Соловьева. Потом прибегают стражники. «Князь, – кричит, – Илья Муромец с крыши твоей все золотые маковки посбивал, а теперь в кабаке сидит, пропивает их. И всю голь киевскую поит». Рассердился князь, послал семерых богатырей Илью сковать да к нему прислать. Не вернулись те богатыри, споил их Илья. Послал трижды по семь, и те не вернулись. Видит князь, вся дружина его так переведется. Говорит: «Видно, спутал я Илью-богатыря с кем другим еще. Кто тут храбрый есть? Вы найдите его да скажите, что приму его с великими почестями». Тут мы с Алешей и вызвались. Ох и погудели!

– Да-а, – протянул Алеша, жмурясь от приятного воспоминания, – пока все оставшиеся маковки златые с Ильей на троих не пропили, из кабака не вылазили. Потом явились втроем к Владимиру да и говорим: «Прими, князь, Илью в дружину, мы ему даем свою богатырскую рекомендацию. А не примешь, мы с ним вместе по Киеву пойдем да камешка на камешке не оставим». Ну куда ему деваться было? Принял.

– А Алена-то как? – поинтересовался Иван, несколько обескураженный услышанным.

– А что Алена? – горестно тряхнул головой Илья. – Похоронила она голову отцову как положено, да так за Гапоном сосватанная и осталась. Говорят, и свадьба скоро. Поймал я ее как-то в княжецких сенях, зажал в угол, а она кричит: «Отстань, видеть тебя, лиходея, не желаю! То ли дело Гапон – мужчина интеллигентный, грамотный...» Отпустил я ее с богом, пусть живет. А все Владимир-пес! Приказал бы ей, пошла б за меня.

– Ох как прав ты! – воскликнул Алеша в сердцах. – Пес поганый наш князь! Гапону-то в рот заглядывает, а нам, богатырям, почитай уж третий месяц жалованья не повышает!

– Не ему, собаке, мы служим, – внезапно зарыдав, поддержал друзей Добрыня, – а земле Русской! – Сказал и принялся ладонью размазывать по лицу слезы и сопли.

Иван беспокойно огляделся. Хоть опыт его жизненный и невелик был, а все же чувствовал он, что речи подобные добром не кончатся. Нужно было как-то сменить тему. И он заговорил про то, чем сейчас его головушка более всего занята была:

– Ну, Илья, твоя история – нетипичная. Не обязательно же так бывает! Вот у меня возлюбленная, она и ликом красна, и умом ясна. И никогда она мне поперечь не пойдет. – Тут хмель да желание покрасоваться пересилили Иванову правдивость, и хвастовство его перешло в откровенное вранье: – Да я ей только шепну: «В койку, Маша», – она уж там. Одно слово – искусница!

Богатыри довольно заржали, а Боян, ткнув Ивана в бок, зашипел ему в ухо:

– Ты че, дурак, обалдел? Здесь ведь муж ее – Черномор.

– Где?! – испугался Иван.

– Да прямо за тобой сидит.

Не удержавшись, Иван обернулся. Но место на скамье за соседним столом пустовало.

– Нету там никого, – сказал он с облегчением. Глянул и Боян.

– Только что тут был, а теперь и след простыл. Ну, жди Иван неприятностей...

Но не придал Иван словам этим особого значения, так как Добрыня и Алеша принялись тем временем рассказывать и свои увлекательные истории. Подумал только: небось Черномор давным-давно из кабака ушел. Подумал и успокоился.

А зря. Потому что на самом-то деле все слышал Черномор и теперь, сжигаемый ревностью, мчался он в палаты княжецкие, лелея в душе нехитрый план мести.

Бежал Черномор дорогой не окольной, а напрямик через джунгли, пугая обезьян и попугаев. Вот и палаты.

Князя он застал в тронном зале за игрой в домино с Гапоном. Видно, Владимиру в игре не везло, так как сидел он в одних кальсонах да в короне, а его сапоги, мантия и прочие одежды кучкой лежали возле Гапона.

– Не вели казнить, вели слово молвить! – вскричал Черномор, кланяясь.

– Ни минуты спокойной! – возмутился князь, не отрывая взгляда от стола. – Поиграть не дадут! Может, все ж таки повелеть казнить, а не слово молвить, а? – но тут же, выговорившись, смягчился: – Ладно, давай выкладывай. – И обернулся к Черномору.

Гапон, пользуясь тем, что Владимир не смотрит, принялся подменивать костяшки.

– Три твоих богатыря да дурак с ними сидят сейчас в кабаке да тебя, Красно Солнышко, хаот принародно.

– Вот же мерзавцы! – возмутился князь. – И как они меня хаот?

– «Не собаке-князю мы служим, – говорят, – а служим земле Русской».

– Про землю Русскую – это хорошо, – заметил справедливый князь. – А вот про собаку – нехорошо. – Гапон, – повернулся он к попу, и тот мигом отдернул руки от фишек, – чего делать-то с безобразниками будем? Воспитывать?

– Поздно, – заявил Гапон злобно, – воспитывать надо было, когда они на лавку поперек ложились. Теперича только одно поможет: головы поотрубать.

– И то верно, – согласился князь, – мудрый ты у меня, – ласково потрепал он Гапона по щеке, – они мне и самому как бельмо на глазу. Только водку жрут да похваляются, а толку никакого. Но как их взять-то, ежели они втроем по силе – всей моей дружины стоят? Только угроблю ее без толку.

– Ну, это просто, – ухмыльнулся Гапон. – Они, как напьются, куда идут?

– Ко мне, – ответил князь. – Явятся, на ногах чуть стоят, «хотим, – говорят, – подвиг совершить, прикажи, князь, чего-нибудь!».

– Ну вот, давай подождем. Как явятся, тут мы их тепленькими и покоцаем с дураком ихним вместе.

– Точно! – обрадовался князь. – А пока сыграем?

- Сыграем, сыграем, – закивал Гапон, – больно мне кальсоны твои глянулись. И корона.
- На корону не зарься, казенная она!
- Черномор нерешительно кашлянул. Князь и Гапон повернулись к нему.
- Чего тебе еще? – спросил Владимир. – Ступай.
- А может, головы-то рубить не надо, а? – спросил Черномор, слегка напуганный результатами своего навета. – Да и богатыри-то тут ни при чем, главное – Иван...
- Ступай, ступай, – повторил князь, – сами разберемся. – И вновь вернулся к домино. – Елки-палки! Все, что ли, уже?!
- Все, – скромно подтвердил Гапон. – Разоблачайся, княже.
- Понурившись, дядька Черномор медленно двинулся прочь. В сенях, зажав под мышкой княжецкие кальсоны, его догнал Гапон.
- Эй, Черномор, дело есть!
- Какие у нас с тобой дела могут быть, собака поповская?
- Ну, кто собака, это мы с тобой потом обсудим. Ты вот о чем подумай. Трех богатырей сейчас казнят, так?
- Так, – тяжело вздохнув, признал Черномор.
- А без них дружина княжецкая – тьфу, верно?
- Верно.
- Теперь представь, что как раз в этот момент на Киев печенеги нападут.
- И представить-то боязно.
- А ты не страшись. Ежели ты со своими тридцатью тремя богатырями за печенегов выступишь, быть тебе у ханского наместника воеводою!
- Да ты что?! – взъярился Черномор. – Да я тебя сейчас!..
- Только тронь, – пригрозил Гапон, – вмиг голова с плеч слетит.
- А я сейчас Владимиру про твои речи расскажу.
- Поверит он тебе! Мне он поверит, а не тебе!
- И то правда, – снова вздохнув, согласился Черномор. – Что же делать-то?
- А ты иди домой да подумай хорошенько, – посоветовал Гапон. – Ванну прими, тебе в воде лучше думается, так ведь?
- Так, – сокрушенно подтвердил Черномор.
- Ну тогда – адью, до встречи, – помахал ему Гапон ручкой. – Как надумаешь чего, сообщи. – И поп вприпрыжку помчался обратно в тронный зал.

Глава четвертая, *в которой Алеша не желает быть решкой*

Но вернемся к нашему герою и его доблестным друзьям. Пока у князя Владимира плелись дворцовые интриги, много пива да зелена вина утекло в утробы богатырские.

Усилиями Ивана беседа за столом двинулась в ином русле. Да и трудно разве русского мужика склонить к разговору о женщинах?

– А вот у меня тоже история, – нетрезво ухмыляясь, заявил Алеша Попович.

– И у меня, – ревниво перебил его Добрыня.

– Нет уж, я первый, – заупрямился Алеша.

Добрыня схватился за меч:

– Давай-ка, любезный, силушкой померимся: чья возьмет, тот и первый.

– Стойте, стойте, – принялся утихомиривать их Иван, – пусть-ка Бог вас на правду выведет. – И, достав из кармана двугривенный, предложил: – Орел – будет Алеша, а решка – Добрыня.

– Почему это Алеша – орел, а я – какая-то там решка?! – возмутился Добрыня.

– А потому! – ехидно хихикнул Алеша.

– Ну давайте наоборот, – торопливо предложил Иван.

– Но-но, – на этот раз схватился за меч Алеша.

Иван понял щекотливость положения, и не сносить бы ему головы, не вмешайся в беседу Боян:

– Полно ссориться вам, добры молодцы. Лучше чарки свои богатырские вы наполните-ка зеленым вином да испейте их друг за друженьку. Да за Русь нашу – милу матушку.

– Дело Боян говорит, – поддержал сказителя Илья Муромец. – Давайте лучше вмажем, чем меж собой собачиться.

Иван расслабился. Выпили.

– Все-таки интересно было бы мне рассказы богатырские послушать, – заметил дурак.

– А давайте-ка я расскажу о вас, – предложил Боян, – ведь давно уже ваши все подвиги превратились в преданья былинные.

– Да чего ты расскажешь? – презрительно сморщился Алеша, и стало заметно, что он уже не вяжет лыка. – Вы ж, бояны, все переделали, все приукрасили.

– А, пусть рассказывает, – махнул рукой Добрыня и угодил ладонью в чашку маринованных кокосов, – а мы поправлять будем.

– Ладно, ври, – разрешил Алеша.

Боян проворно выставил перед собой гусли, ударив по струнам, извлек из недр инструмента немелодичный аккорд и вдохновенно заголось:

Из славного Ростова, красна города,
Шел Алеша, что попа сын соборного!
Не за славою он шел, не за золотом,
А на службу он шел ко Владимиру!..

Алеша вдруг разрыдался и упал лицом в тарелку с печеными устрицами, причитая:

– Не за славой, точно, не за золотом. – И затих.

Воодушевленный успехом, Боян заголось дальше:

Вот сидит он за столом у Владимира,
А за тем же столом – Тугарин Змеевич.

Он по целой ковриге мечет за щеку,
Да по целому ведру питья медвяного.
Указал на Тугарина Алеша-млад,
Да и молвил он князю Владимиру:
«Ой, нечестно твой Змеевич пьет да ест,
Как болван, дурачина нетесанный.
Как возьму я за шкуру Тугарина
Да под гору высокую выброшу!»
Почернел тут Тугарин, что ночь зимой,
Да с Алешей пошел в чисто полюшко.
Там ему богатырь во честном бою
И оттяпал поганую голову...

Тут Алеша перебил Бояна, подняв перемазанное устричным соусом лицо:

– Говорил я, врать будешь – так и есть, не удержался.

– Зато красиво, – заступился за Бояна Добрыня.

– А на хрена она мне, красота эта?! – продолжал кипятиться Алеша и передразнил: «Там ему богатырь во честном бою...» Да во честном-то бою меня бы Тугарин мизинцем левым придавил. Обманом я его взял, самым что ни на есть подлым. Аж поныне совестно. Вышли мы в чистое поле, я и говорю: «Что ж ты, Тугарин, брешешь: говорил, что один на один будем биться, а сам войско за собой привел?» Овернулся Тугарин округ себя, тут-то голову я и отсек ему.

Ивану за Алешу стало стыдно.

– Не, Попович, – гнул свою линию Добрыня, – у Бояна-то красивше будет. Давай, дед, ври дальше.

– Это он по скромности своей, – пояснил Боян реакцию Алеши и вновь ударил по струнам, – потому как Алеша Попович-млад своей доблестью честной прославился, ведь не зря ж он покинул свой дом родной, и семью, и жену-раскрасавицу...

Вновь встрепенувшись, Алеша заорал:

– Да кончай ты врать-то, уши вянут. В гробу я твою доблесть видел! Я как раз от жены-то в Киев и сбежал! Она же у меня – царевна-лягушка.

– А, эту историю я тоже знаю, – обрадовался Боян, – очень романтическая история...

Но продолжить Алеша не дал. В пароксизме хмельной искренности он заявил:

– И это тоже вранье. По правде-то так дело обстоит: днем она баба как баба, очень даже симпатичная, а вот ночью – лягушка! Надоело мне это до смерти, вот в Киев и подался. Лучше службу служить, чем с лягушкою жить.

Иван растерянно переводил взгляд с Алеши на Бояна, не зная, кому из них верить, чему отдать предпочтение – красоте или правде.

– Ох ты горе горькое, – взвыл тут Алеша, – разбередил ты, гад, душу мне! Как вспомню жизнь свою, так тошно становится! Не сыпь мне соль на рану, дед, хватит! Расскажи-ка лучше о себе ты, Добрынюшка. Мы-то с Ильей и так все знаем, а вот Ване, добру молодцу, в новинку да в урок будет.

Добрыня, с трудом приподняв голову, согласился:

– Будь по-твоему, Алеша. Слушай, Ванечка. Расскажу-ка тебе я о том сейчас, как со Змеем поганым во честном бою я племянницу князеву вызволил – красну девку Забаву Путятишну.

Изрядно пьяный Боян, не остывший от распри с Алешей и преисполненный духа противоречия, перебил его:

– «Во честном бою...» Да все ж знают, что вы с тем Змеем уговор держали друг на друга не нападать. Он и не ожидал ничего, когда ты в чертоги его ворвался.

Добрыня покраснел как рак, свирепо глянул на сказителя и молвил:

– В честном ли бою, не в честном ли, а Забаву Путятишну вызволил.

– Еще б тебе ее не вызволить, когда втюрился в нее по уши. Только было сватов прислал, как Змей ее из-под носа и увел. Между прочим, с ее же согласия.

Вокруг раздались смешки. Иван огляделся. Все посетители кабака промеж собой вовсе не разговаривали, а внимательно прислушивались к беседе за их столом.

Добрыня, вновь многозначительно взявшись за рукоять меча, произнес с расстановкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.